

УДК 821.161.1

М. А. Васильева

Москва, Россия

ДВОЙНИК-ОТРАЖЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ МОТИВА В ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Рассматривается лирика выдающегося поэта первой волны русской эмиграции Георгия Иванова в контексте проблемы двойника. Особое внимание уделяется послевоенным сборникам поэта с их сквозным мотивом зеркального отражения и распыления. Обозначенная поэтом тема раздвоения вписывается в культурно-историческую парадигму, где двойник – символ темного начала – служит признаком разрушения цельности, внутреннего этического-онтологического единства субъекта. Между тем Георгий Иванов стоит у истоков радикального обновления дискурса двойничества в русской литературе.

Ключевые слова: послевоенная лирика Георгия Иванова, мотив зеркального отражения и распыления, проблема двойника.

Зеркало и зеркальное отражение – один из сквозных мотивов лирики Георгия Иванова. Уже в первом поэтическом сборнике «Отплыть на о. Цитеру» (1911) тема зеркала заявлена как одна из центральных, – первый раздел книги назван «Любовное зеркало», а эпиграфом к нему служит строка из пушкинского стихотворения «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»: «Вот зеркало мое – прими его, Киприда!». Мотив зеркала проходит сквозной нитью через всю лирику Иванова вплоть до последнего прижизненного сборника поэта «Портрет без сходства» (1950). В 50-е гг. в эмигрантской печати появляются знаменитые вариации на зеркальную тему, заявленную в «Портрете...» с переходящим из стихотворения в стихотворение рефреном «Друг друга отражают зеркала», все они потом войдут в посмертный сборник «1943–1958. Стихи» (1958).

* * *

Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.

Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья.

Васильева Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Нижняя Радищевская ул., 2, Москва, 109240, Россия; marijavasil@mail.ru ; +7 (495) 685 25 54)

Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 100–107.
© М. А. Васильева, 2014

Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья [1, с. 321].

* * *

Игра судьбы. Игра добра и зла.
Игра ума. Игра воображенья.
«Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...»

Мне говорят – ты выиграл игру!
Но все равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю [1, с. 321].

* * *

«Желтофиоль» – похоже на виолу,
На меланхолию, на канифоль.
Иллюзия относится к Эолу,
Как к белизне – безмолвие и боль.
И, подчиняясь рифмы произволу,
Мне все равно – пароль или король.

Поэзия – точнейшая наука:
Друг друга отражают зеркала,
Срывается с натянутого лука
Отравленная музыкой стрела
И в пустоту летит, быстрее звука.

«...Оставь меня. Мне ложе стелет скука!» [1, с. 375]

Образ зеркала в лирике Георгия Иванова уже давно привлек внимание современных исследователей, посвятивших зеркальной тематике отдельные статьи, главы диссертаций и фрагменты книг¹. В этих исследованиях мы находим множественные рецепции зеркального мотива – от статьи Н. А. Богомолова «Талант двойного зренья...»² – одной из первых глубоких разработок двоестранности ивановской поэтики – до «дихотомии реального / фиктивного пространства, лежащего в основе структуры художественного универсума Иванова» [3, с. 71].

Нам бы хотелось посмотреть на мотив зеркальности через отдельную и вместе с тем масштабную проблему двойника, на которую в той или иной степени обращали внимание некоторые исследователи. Однако, как нам кажется, двойничеству

---

¹ Укажем лишь на некоторые исследования: *Кузнецова Н. А.* Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 1999; *Якунова Е. А.* Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004; *Трушкина А. В.* Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004; *Несынова Ю. В.* Эволюция поэтической системы Г. В. Иванова: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007; *Соколова Т. С.* Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова тема: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

² *Богомолов Н. А.* Талант двойного зренья: творческий путь Г. Иванова // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 116–142 [2]. Название статьи отсылает к строке «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья» из стихотворения Георгия Иванова «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...» из сборника «1943–1958. Стихи» (1958).

в художественной системе поэта до сих пор не было уделено должного внимания. Глубинно связанная своими истоками с концепцией романтического двоемирия поэтики символизма, проблема двойника в творчестве Георгия Иванова получила в то же время особое, совершенно новое звучание благодаря неведомому до этого русской литературе эмигрантскому литературно-философскому коду.

С одной стороны, зеркальный мотив лирики Георгия Иванова и особенно поздних его стихотворений гармонично вписывается в литературную традицию сюжета о двойнике. Порожденный отражающими друг друга зеркалами «портрет без сходства» вполне соответствует образу двойника, созданному мировой и русской классической литературой. В свою очередь, двойники Н. В. Гоголя («Нос», «Портрет»), Ф. М. Достоевского («Двойник», «Братья Карамазовы», «Бесы») Э. Т. А. Гофмана («Двойник», «Песочный человек», «Эликсиры сатаны»), А. Шамиссо («Удивительная история Петера Шлемиля»), Г. Х. Андерсена («Тень»), О. Уайльда («Портрет Дориана Грея») могут быть идеально обобщены поэтической формулой Георгия Иванова: «Игра судьбы. Игра добра и зла. / Игра ума. Игра воображенья». Эмигрантская «зеркальная» лирика Георгия Иванова, исполненная отчаянием и безысходностью, пробитая метафизическими пустотами попадает в то литературное резонантное пространство, где inferнальный «подобный», порожденный, как правило, одномерной первоосновой (тень, портрет, отражение в зеркале), традиционно берет на себя функцию отрицательной величины и где появление двойника служит признаком распада личности, потери цельности, разрушения внутреннего этико-отнологического единства. Именно в таком традиционно-устойчивом понимании проблемы двойничества в основном и рассматриваются зеркальные вариации посмертного ивановского сборника «1943–1958. Стихи» большинством современных литературоведов. «Действительно, в обнажении последних глубин жизни поэзию Иванова трудно превзойти, оставаясь в рамках традиции русской поэзии, – замечает Н. А. Богомолов. – И в этом обнажении все чаще становится справедливой формула: “Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья”. В этом взаимном искажении двойится и троится образ автора. <...> Но ведь в этом несомещении, в “двойном зреньи” так часто бывает заключена душа современного человека, оторванного от своего прошлого и стоящего перед страшным будущим, в которое невозможно вглядываться, чтобы не увидеть там беспредельной пустоты» [2, с. 164]. Похожей точки зрения придерживается А. В. Трушкина: «Бесконечный зеркальный коридор все дальше уводит от приоритетов прежней жизни, и смысл ее все более теряется, ускользает, уступая место вечной, бесцельной и пустой в конечном счете “постмодернистской” игре и постоянной спутнице поэта – тоске» [4]. С. Н. Колосова, справедливо замечая, что стихотворение «Друг друга отражают зеркала...» является программным не только для «Портрета без сходства», но и для всего позднего творчества поэта, также заключает: «Мотив отражения – одна из ипостасей разрушающего начала в творчестве Г. Иванова. <...> Отраженные друг в друге зеркала – это метафорическое представление Георгия Иванова о реальном мире как о бесконечном коридоре искажений, раскладывающихся на микрочастицы гармонию, единство, одухотворенный мир человека» [5, с. 20].

Мотив зеркального раздвоения и отражения в лирике Георгия Иванова далеко не статичен и переживает внутри себя значительную смысловую эволюцию, что и было отмечено литературоведами: «Романтическое двоемирие раннего Иванова сменяется всемирным разложением», – пишет С. Н. Колосова [5, с. 18]. На зыбкость, проницаемость и условность границ дихотомии художественного мира Георгия Иванова в послевоенных стихах указывает Т. С. Соколова: «В 1940–50-е гг. картина мира Иванова меняется в сторону постепенного стирания грани между противопоставленными друг другу пространственно-временными системами.

С тенденцией к нейтрализации противоположностей связано выстраивание художественного мира по принципу зеркального отражения. По принципу бесконечно множасьихся отражений в обращенных друг к другу зеркалах выстраивается реальность, окружающая лирическое “я”, – посткатастрофический мир, в котором происходит искажение, смещение, утрата традиционных ценностных ориентиров» [6]. Замечено очень верно. Так, например, априорно заявленная антитеза в известном стихотворении из довоенного сборника «Розы» («Я слышу – история и человечество, / Я слышу – изгнание или отечество. / Я в книгах читаю – добро, лицемерие, / Надежда, отчаянье, вера, неверие») размывается горькой иронией, а к финалу растворяется в бесчувственном пространстве «вне времени и расстояния». В послевоенном «Портрете без сходства» оппозиция «добра и зла» истончается до предела: «Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья». Такое «противопоставление» выглядит весьма условно и зыбко, – выбор идет между отражением и отражением, между небытием и небытием. В сущности, выбора у лирического героя нет. Поэтому вывод исследователей об «утрате традиционных ценностных ориентиров» или доминирующей теме «всемирного разложения» в зеркальном дискурсе Георгия Иванова весьма убедителен.

Между тем мотив зеркала, отражения, раздвоения претерпевает значительную эволюцию не только в длительный период между ранней лирикой поэта и его послевоенными стихами, но и внутри отдельного временного отрезка послевоенного творчества между «Портретом без сходства» (1950) и «Посмертным дневником» (1958). Зеркальные вариации в посмертном сборнике органично вплетены в более сложный зеркальный контекст. Именно на эту эволюцию и именно на этот контекст нам и хотелось бы обратить особое внимание. С одной стороны, в стихотворении «“Желтофиоль” – похоже на фиолетовую...» поэзия оказывается в безвыходном коридоре зеркал, и отравленная музыкой стрела «в пустоту летит, быстрее звука». С другой – созданный эмигрантским зазеркальем ландшафт в поздней лирике Иванова далеко не всегда оборачивается пустотой. Одна из характерных черт лирики Иванова 1950-х гг. – уже отмеченное исследователями смещение ментальной границы, которая отделяет реальный мир и его отражение. Однако в этом поэтическом зеркальном мире бесконечных перевоплощений, нарушений метафизической «демаркационной линии» вопросы «где явь, а где мираж?», «где настоящий герой, а где его двойник?», «где прототип, а где протагонист?» остаются неизменно открытыми. Во всяком случае сложная семантическая перспектива стиха рисует далеко не мертвую точку.

Идеально иллюстрирует это смещение и взаимопроникновение двух реальностей письмо Георгия Иванова к Владимиру Маркову от 18 января 1956 г.: «У нас, слишком соблазнительная погода – 15° тепла и полное солнце. И декорации соблазнительные. Нуéres – городок окруженный – т. е. с трех сторон – четвертая море – тремя цепями гор. На первой стоят 7 замков, отсюда Людовик святой уходил в крестовый поход. Вторая цепь вся в соснах и дубах. Третья покрыта снегом. Видны, отовсюду, сразу все три. Внизу все желто от цветущих мимоз и розово-бело от миндаля. Кроме этого во время королевы Виктории, здесь каждую зиму жил двор и большинство зданий, в оно время, служили под Королеву и ее свиту. Это дает оттенок вроде Павловска или Петергофа. Гранитные тротуары шириной в добрую улицу, а главная из них совсем в Невский. Это ласкает мой старорежимный глаз» [7, с. 334–335]. Письмо фиксирует почти фантазмагорическое перевоплощение одной данности в другую. Поэтической иллюстрацией такого «двойного зренья», перехода из объективной реальности в реальность воображаемую («вне времени и расстояния») служит написанное в те же годы и вошедшее

Сюжет, мотив, жанр

в «Посмертный дневник» стихотворение «Ликование вечной, блаженной весны...». В трех его строфах запечатлено последовательное «виртуальное» движение мысли: от эмигрантской действительности – через разрушение ментальной границы – в другой, несуществующий мир дореволюционного Петербурга, причем на вопрос «где настоящий мир и где настоящее “я” лирического героя?» сам поэт отвечает однозначно:

Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной, царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты [1, с. 586].

Безусловно, воспоминания о России – центральный мотив всей эмигрантской лирики Георгия Иванова. Между тем сам процесс воспоминания не одинаков в довоенные и послевоенные годы. В довоенных «Розах» Россия предстает как место, утраченное навсегда:

Над широкой Невой догорал закат.
Цепенели дворцы, чернели мосты –

Это было тысячу лет назад,
Так давно, что забыла ты.
(«Черная кровь из открытых жил...») [1, с. 265]

И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид –
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.
(«Закроешь глаза на мгновенье...») [1, с. 275]

Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
(«Хорошо, что нет Царя...») [1, с. 276]

Россия – это «мир, что навсегда потерян» [1, с. 277], а «все, кто блистал в тринадцатом году – лишь призраки на петербургском льду» [1, с. 287]. В «Отплытии на остров Цитеру» (1937) Иванов пишет: «Россия тишина, Россия прах» [1, с. 299].

Состоянию душевной катастрофы, все растущему ощущению абсолютной бездомности и безвоздушного пространства, утери всех связей с Россией есть и прозаическое объяснение. Стихи, вошедшие в сборник «Розы», начали появляться

в различных периодических изданиях с 1927 г. Этому творческому этапу в жизни Георгия Иванова предшествует знаменательный исторический отрезок, – ровно с 1922 года, когда он эмигрировал из России, и вплоть до 1927-го. В эти годы за русскими эмигрантами закрепляется статус беженца. В 1922 г. Лигой Наций вводятся знаменитые нансеновские паспорта. В свою очередь, в советской России один за другим выходят постановления, обрывающие связи русских эмигрантов с Родиной: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г.; Положение о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г. ЦИК СССР; Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г. и т. д. Эмигрантам был заказан путь назад, они становились апатридами – лицами без гражданства, а значит, без своего устойчивого социального, исторического и географического места.

Можно было бы сказать, что горечь потери Родины Георгий Иванов как человек и как поэт разделил с русской эмиграцией сполна. Однако в статусе бездомности, т. е. человека «без места», Георгий Иванов в русской эмиграции занимает особое положение. Пожалуй, трудно привести пример из числа выдающихся писателей русского зарубежья, схожий с примером Иванова. Бездомность его преследует и в военные, и в послевоенные годы. В 1943 г. немецкие власти отбирают дом в Биаритце, который потом будет разрушен при бомбардировке американской авиацией. Это событие найдет отражение в известном стихотворении:

Отвратительнейший шум на свете –
Грохот авиона на рассвете...

И зачем тебя, наш дом, разбили?
Ты был маленький, волшебный дом,
Как ребенка, мы тебя любили,
Строили тебя с таким трудом [1, с. 340].

Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой сначала живут в гостиницах, потом в Русском доме в Жуан-ле-Пене (1947–1948), в 1951-м они перебираются в Русский дом Монморанси, где живут до 1953-го, после чего их переводят в Русский дом в Иерее на юге Франции. Комментируя эту кочевую жизнь, их давний друг Георгий Адамович, с которым во время войны отношения были практически непоправимо испорчены, пишет Иванову из Манчестера: «Как Вам живется в Вашем доме? Вы ничего не сообщили. Я мечтаю, когда отсюда выберусь, тоже устроиться в нечто вроде богадельни, вопреки людям, которые ужасаются этому»³ [8, с. 465]. Трудно сказать, насколько искренен в письме был Адамович, благополучный преподаватель русской литературы в Манчестерском университете, и насколько он «мечтал» о статусе обитателя богадельни. Насколько тотальная потеря дома отразилась на строе мыслей и на творчестве Георгия Иванова можно судить по частотности появления слова «дом» (в значении родного дома и пристанища) в поздней лирике поэта. Образ дома в послевоенные годы появляется в его стихах в два раз чаще, чем за все прошлые творческие годы. Причем традиционный мотив абсолютной потери своего пристанища, проникающий из довоенной поэзии в позднюю лирику («Никому ни о чем не расскажем, / Никогда не вернемся домой» [1, с. 336]), начинает сменяться мотивом ирреальной мечты возвращения домой: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться» [1, с. 388], «Замученное сердце радо / Тому, что я домой бреду» [1, с. 403], «Как будто мы пришли зимой / С вечерни в церковке соседней, / По снегу русскому, домой» [1, с. 578].

---

³ Г. В. Адамович – Г. В. Иванову. 23 марта 1955 г.

В эти же годы в лирике Георгия Иванова все более дает о себе знать нарушение условной ментальной границы между эмпирическим эмигрантским миром и мифическим миром исчезнувшей навсегда дореволюционной России, в немалой степени это проявляется в «Портрете без сходства» («Что-то сбудется, что-то не сбудется...»), «Отражая волны голубого света...», «Голубизна чужого моря...») и особенно в цикле «Дневник», вошедшем в сборник «1943–1958. Стихи» («Торжественно кончается весна...», «Свободен путь под Фермопилами...», «Четверть века прошло за границей...», «Белая лошадь бредет без упряжки...», «Нечего тебе тревожиться...», «Бредет старик на рыбный рынок...», «Я люблю безнадежный покой...», «Здесь в лесах даже розы цветут...», «Все представляю в блаженном тумане я...» и т. д.). Бесконечный зеркальный коридор, создающий «портрет без сходства», делающий мифом эмигрантскую действительность и реальностью петербургский миф, оказывается более сложной системой, чем просто последовательная логическая цепочка «искажение» – «разрушение» – «небытие». Такая цепочка вполне соответствовала бы традиционному дискурсу двойничества и душевного распыления, однако в художественном мире Георгия Иванова она неизменно усложняется парадоксальным и драматичным эмигрантским дискурсом. Поэтому слова исследователя о том, что Георгий Иванов «с отчетливостью описал нам состояние человека, находящегося у самой последней черты, нарисовал пейзаж той местности, за которой начинается небытие», нам кажутся верными лишь отчасти [2, с. 167]. Пейзаж местности поздней ивановской лирики исполнен сложных линий и траекторий, семантическое пространство его поэзии раздвигает границы, выстраивает новые миры и определяет лирическому герою «свое место» в этих мирах. Распыление не заканчивается небытием, а переходит в совершенно новое качество, – и в этом преодолении небытия, безусловно, кроется мощнейшая скрытая энергия поэтического мира Георгия Иванова. Удивительный сплав распыления и творчества, способности зеркально раздвоится, чтобы сохранить себя – демонстрирует его знаменитое стихотворение, посвященное Ирине Одоевцевой, из цикла «Дневник»:

И. О.

Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

В новом эмигрантском дискурсе раздвоения как самосохранения поэзия Георгия Иванова занимает особое место. В обновлении проблематики двойничества литература русского зарубежья сделала очевидный прорыв уже в довоенный период. Двойники ранней прозы Набокова еще существуют в лоне русской литературной традиции, однако раздвоенные миры Бориса Поплавского в «Аполлоне Безобразове» (1926–1932) или смещение отражения и воспоминания в стихотворении Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» (1924) знаменуют собой совершенно новый взгляд на проблему двойника.

Кардинальный пересмотр двойничества в литературе русской эмиграции «первой волны» происходит в послевоенные годы. Так, например, традиционное по-

нимание двойника-отражения как явления одномерного, механистично-«подобного» и глубоко разрушительного сменяется парадоксальным оправданием «среднего человека», склонного к раздвоению личности в философском романе-притче Гайто Газданова «Пробуждение». Лирика же Георгия Иванова послевоенных лет совершает абсолютный прорыв в литературном сюжете о двойнике. Отражение, раздвоение оборачивается в ряде его стихов не пустотой и распадом, а последней возможностью сохранить свою цельность, свое настоящее «я». В перспективе этот вектор намечал совершенно новую философскую проблему, поднятую в повести Саши Соколова «Школа для дураков».

Список литературы

1. *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. 656 с. Т. 1: Стихотворения.
2. *Богомолов Н. А.* Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. 640 с.
3. *Соколова Т. С.* Семантическая граница в ранней лирике Георгия Иванова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 8 (71). С. 70–75.
4. *Трушкина А. В.* Особенности поэтического мира Георгия Ивановна 1920–50-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
5. *Колосова С. Н.* Игра Георгия Иванова в стихотворении «Друг друга отражают зеркала...» // Русская речь. 2010. № 6. С. 17–20.
6. *Соколова Т. С.* Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова тема. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
7. *Марков В. Ф.* О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное. Новосибирск, 2012. 444 с.
8. «Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М., 2008. 816 с.

M. A. Vasilieva

Moscow, Russian Federation

MOTIVE EVOLUTION IN GEORGY IVANOV'S LYRICS

Article considers G. Ivanov's lyrics - the outstanding poet of the first wave of the Russian emigration – in a context of a problem of the double. The special attention is paid to post-war collections of the poet with their through motive of a specular reflection and dispersion. The subject of bifurcation designated by the poet fits into a cultural and historical paradigm where the double – the symbol of the dark beginning – is a sign of destruction of integrity, internal ethic and ontologic unity of the subject. Meanwhile Georgy Ivanov stands at the origins of radical updating of a double discourse in the Russian literature.

Keywords: Georgy Ivanov's post-war lyrics, motive of a specular image and dispersion, problem of the double.

Vasilieva Mariya A. – candidate of philology, Science secretary of the Alexander Solzhenitsyn Center for studies of the Russian emigrees (2, Nizhnyaya Radishchevskaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; marijvasil@mail.ru; +7 (495) 685 25 54)